

В. К. КЕЛЬМАКОВ (Ижевск)

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КУРЬЕЗЫ В ПЕРМИСТИКЕ I*

КУРЬЁЗЪ, франц. что нибудь странное и забавное, смѣшное, замѣчательное, любопытное (В. Даль)

Abstract. The Permic languages are hardly alone in containing some words the origin, form and meaning of which have emerged as the result of researcher mistakes. Having thus appeared by mistake and/or, for various other reasons, having received a non-primordial phonetic form, they start living their own life, possibly suggesting some curious linguistic decisions to some theorists and pragmatists. 1. The Udmurt word *содзѣмь* 'a handful of flax', for example, etymologically associated with the Komi *содз* 'handful' actually appeared in this phonetic form as one of the manuscripts of the 18th century was misread by a researcher. 2. The "Odyssey" of the Udmurt *-kudir-* 'beaver' (B. Munkácsi) > (a) *кудыри* 'curly' (~ Komi **кудыри*) or (b) *ку дур* 'fur edging' has also been caused by some inaccuracy on the part of Udmurt philologists.

Keywords: Udmurt, etymology.

В лексическом фонде любого языка, наряду с т. н. естественными словами, встречаются, хотя и весьма редко, слова, возникшие «по ошибке» — вследствие неточного прочтения письменных документов, гиперкоррекции в связи с регулярными фонетическими изменениями, в результате контаминации, народно-этимологического преобразования и т. д. (см. также Бурлак, Старостин 2005 : 85). Нередко подобные формы, появившись в небрежно выполненном теоретическом исследовании или иного рода текстах, до бытования в обычной речи и не доходят, в лучшем случае оставаясь достоянием определенного круга последующих исследовательских работ, но иногда замещают собою исконные слова.

О нескольких такого рода «курьезных» случаях в удмуртском языке и удмуртской (пермской) филологии пойдет речь в данной работе.

* Первая часть работы — переработанный и расширенный вариант доклада, прочитанного на XI Международном симпозиуме «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками», посвященном 85-летию со дня рождения известного коми-пермяцкого лингвиста А. С. Кривошековой-Гантман (Пермь, 30—31 марта 2006 г.).

1. *с о д з я м ь* 'горсть чесаного льна' (Лыткин 1964 : 63)

По моим — возможно, не совсем точным — сведениям, это несуществующее в удмуртском языке слово впервые появилось со ссылкой на М. Могилина в работе В. И. Лыткина «Исторический вокализм пермских языков»: «*с о д з*; *sož* вс. 'пригоршня'; *suž* кя. (*ш* из *и* под влиянием следующего мягкого согласного); *sož* скр. сев. кп., *sož* л. зд. (Диал. сл.); удм. *сузь* 'пригоршня' (УРСл.); *с о д з я м ь* 'горсть чесаного льна' (Могилин); бес. *śuz* (*и ? < ш*); шошм. *suž*, урс. *suž*; сравнивают с ливвик. *sāzi*, эст. *sāzi*-, норв-саам. *sæsse*[---]; Моор сопоставляет также с венг. *össze*, *össz*- < *öszve* < *űszve* 'приставка, обозначающая совместность, связанность, сближение и т. д.'[---] Прибалтийско-финские и венгерские параллели указывают на переднерядный вокализм. Общепермск. **ř*» (Лыткин 1964 : 63).

Прослеживаются и пути «создания» этого слова. В начале 60-х годов XX столетия, в период написания В. И. Лыткиным монографии по исторической фонетике пермских языков (1964), Т. И. Тепляшина работала над изучением ранних письменных памятников удмуртского языка, результатом чего явилось опубликование ею книги «Памятники удмуртской письменности XVIII века» (1965), куда был включен и лексический материал рукописи М. Могилина «Краткой отяцкия Грамматики опытъ» 1786 г. с определенными комментариями (Тепляшина 1965 : 240—288). Копия рукописи этой удмуртской грамматики XVIII в., которая, разумеется, была доступна и для В. И. Лыткина, стала как раз тем источником, откуда «есть пошла» названная словоформа.

Рассматриваемому слову, впервые представленному в рукописной грамматике М. Могилина (Могилинъ 1786 : 22), крупно «повезло» — оно, как никакое другое слово, имеет в истории пермского языкознания четыре разночтения: 1) в работе В. И. Лыткина (1964 : 63) представлено, как замечено выше, в виде *содзямь* 'горсть чесаного льна'; 2) Т. И. Тепляшина (1965 : 272) расшифровала его как *sogjam*; *согьямь* 'горсть чесаного льна'; 3) Е. С. Гуляев включил его в этимологический словарь коми языка, составленный им в соавторстве с В. И. Лыткиным, в форме *содзям* 'горсть чесанного льна' (КЭСК 259); 4) в полном издании грамматики М. Могилина (1998 г.) — в той части, где рукопись автора XVIII в. приведена в «расшифровке» издателя/издателей — читаем: *согьямь* 'горсть чесанова льна' (Могилинъ 1786 : 131).

Однако все эти варианты имеют определенные ошибки и неточности орфографического характера, которые заключаются в следующем:

1) удмуртская фонема *z* в письменных памятниках XVIII в. обозначалась, за редкими исключениями, латинской графемой *g*, например: *Сурэзь* (удм. лит. *гурезь*) 'холмъ, гора', *Сÿ* (удм. лит. *гу*) 'яма', *бугорь* (удм. лит. *бугор* 'клубок') 'мячь', *Сырѳнь* (удм. лит. *гырон* 'вспахка; пахота') 'пашня', *Герÿ* (удм. лит. *геры*) 'плугъ и соха', *Гозы* (удм. лит. *гозы*) 'веревка', *Весцÿ гозы* (удм. южн. *вэсчи гозы* 'тонкая веревка') 'веревочка', *Сугѳнь* (удм. лит. *сугон*) 'лукъ', *Ягъ мулÿ* (удм. лит. *ягмульы*) 'брусника' — но *Зюцьгубÿ* (удм. лит. *губи* 'гриб') 'грибъ', *Легэць пу-* (удм. лит. *легезьпу*) 'шиповникъ (Соч. 1775 : 21—23); *гидь* (удм. лит. *гид*) 'хлѳвъ', *гогы* (удм. лит. *гогы*) 'пупъ', *голикъ* (удм. лит.

гольык) 'голый, нагий' — но *гондыргъу* (удм. лит. *гондыр гу* 'медвежья берлога') 'берлогъ логовище медвѣжье' (Кротовъ 1785 : 40—41); *сырѣгъ* (удм. лит. *сэрег*) 'уголь', *юрмѣгъ* (удм. лит. *юрмег* 'ласка') 'зверокъ ласица', *бингозы* (удм. лит. *биньгозы*) 'возжи' — но *гоги* (удм. лит. *гогы*) 'пупъ' (Могилинъ 1786 : 29—30) и др., и транслитерацию ее во 2-м и 3-м вариантах приведенных расшифровок (*согьямъ* и *согьямъ*) кириллической буквой *г* при сохранении в данном слове прочих особенностей графики и орфографии XVIII в. следует считать не совсем корректной. Что же касается лыткинской (*содзямъ*) и КЭСК-овской (*содзям*) версий, то они являются результатом ошибочного прочтения рукописной формы латинской буквы *g* (XVIII в.) как рукописного варианта кириллической буквы *д*;

2) буква *ь* середины слова (в *-гья-*), в рукописи М. Могилина весьма напоминающая современную небрежно написанную букву *з*, В. И. Лыткиным и Е. С. Гуляевым действительно была воспринята как кириллическая буква *з* (*-дзя-* ~ *-дзя-*) (1-й вариант), в других же изданиях — как *ъ* (2-й вариант: *-гья-*) или *ь* (4-й вариант: *-гья-*);

3) ударение над буквой *я* или отмечено с определенным отклонением от оригинала — 1-й и 4-й варианты (*содзя́мъ* и *согья́мъ*) или отсутствует вообще — 2-й и 3-й варианты (*согѣат/согьямъ* и *содзям*);

4) сняты некоторые атрибуты удмуртского письма XVIII в.: фиксация ударения и наличие буквы *ъ* в конце слова после велярного согласного (вариант *содзям*).

В конечном итоге искомое слово в рукописи XVIII в., имеющее единственно верное прочтение как *согья́мъ* 'горсть чесанова льна', является дериватом на *-м* от глагола *согьяны* (основа *согья-*) 'чесать, расчесать (лен, коноплю)'; глагол же в свою очередь представляет собой производное с помощью суффикса *-я* от субстантивной основы *согы* 'щетка, чесалка'. Эти общеизвестные удмуртские формы представлены в удмуртских письменных источниках начиная с XVIII в., например: *согы* 'щотка' (Кротовъ 1785 : 203); *Вышкы вылын вышкы, вышкы вылын вышкы, тотобыля с о г ы*. (*Ужы гумы*.) 'Кадка на кадкѣ, кадка на кадкѣ (а на верхушкѣ) щетка (для трепанья конопли). (Коровка растеніе.)' (Гавриловъ 1880 : 54, 152); *Согы* 'чесалка для льна, конопли'; *Согьяны* 'чесать, ленъ, конопель' (Ислентьевъ ВРС 47); *sogî* 'gereben; tölcséralakú kefe, melylyel a kender v. lészálakat gerebenezik' (круглая, воронкообразная щетка для расчесывания конопли или льна); сар. *sog-jal-* 'gerebenezni' (расчесывать коноплю или ленъ) (Munkácsi 1896 : 428); глаз., уфим. *sogî*, малм., елаб., м.-урж. *sogî* 'чесалка для льна, конопли'; малм., елаб. *sogjânî*, уфим. *sogd'anî* 'чесать лен или коноплю; Lein od. Hanf hecheln' (WW 225; материал для словаря был собран в конце XIX в.); *согы* 'щетка для чесания волокон льна, конопли'; *сог'яны* 'чесать волокна льна, конопли' (Борисов 1932 : 260); *согы* 'чесалка (для волокна)'; *согьяны* 'чесать (волокна льна, конопли)' (УРСл. 274); *согы* 'щетка, чесалка (для льна, конопли)'; *согьяны* 'чесать, расчесать (лен, коноплю)' (УРС 394); *согы* '1. (gyarjú)fésű; kártoló gereben; 2. kefe'; *согьяны* 'kártol, fésül (lent, kendert)' (Kozmacs 2002 : 385); *согы* (УКШГК 313) и др. Поскольку *согья́мъ* было ошибочно представлено в монографии В. И. Лыткина как *содзя́мъ* (= *со́ѣат*), с одной стороны, а буквосочетание *дз* в удмуртской графике XVIII в. служило для фиксации

звонкой палатальной аффрикаты \check{z} (= \check{z}) (напр., *дзі́о́зь* (удм. лит. *žoz* = $\check{z}oz$) 'сверчок', *дзі́о́ргылі* (диал. *žorgil'i*, удм. лит. *žol'giri* = $\check{z}ol'giri$) 'воробей' (Соч. 1775 : 26, 27); *дзець* (удм. лит. *žec* = $\check{z}e\check{c}$ 'добрый, хороший') 'здравствуй', *дзицй* (удм. лит. *žičy* = $\check{z}i\check{c}i$) 'лисица', *дзі́о́зы* (удм. лит. *žoz* ~ *žozy* = $\check{z}oz$ ~ $\check{z}oz\check{y}$) 'кобылка травяная', *дзюзь* (удм. лит. *žyc* = $\check{z}us$) 'лавка' (Кротовъ 1785 : 52); *дзегь* (удм. лит. *žeg* = $\check{z}eg$) 'рожь', *дзязэгь* (удм. лит. *žazeg* = $\check{z}a\check{z}eg$) 'гусь', *кырдыяско* (удм. лит. *kyržasko* = $k\check{y}r\check{z}asko$) 'пою пѣсни' (Могилинь 1786 : 25, 77) и т. д.), с другой, то и искомое слово в лыткинской расшифровке этимологически было увязано с удм. диал. *суз* (= $su\check{z}$) ~ лит. *сузь*, коми *содз* 'пригоршня'.

Предложенная В. И. Лыткиным этимологическая параллель впоследствии повторялась в ряде исследований лингво-исторического характера по пермским языкам (КЭСК 259; Кельмаков 1978 : 23 и др.), и лишь в самое последнее время было указано на ее несостоятельность в связи с выявлением ирреального характера удмуртской формы *содзямь* (Кельмаков 2004 : 73).

2. к у д ы р диал. 'бобр, бобровый' (УРС 225)

Кажется, это уже утраченное удмуртским языком диалектное слово *кудыр* 'бобр; бобровый', абсолютный синоним к несколько более употребительному *мый* ~ *мыйы* 'бобр; бобровый', впервые зафиксировано Б. Мункачи в 1885 г. на территории распространения прикильмезских говоров удмуртского языка — в одном из текстов его фольклорно-диалектологического сборника оно трижды встречается в составе сложного слова, образованного из двух синонимичных компонентов (*miji* 'бобр' + *kudir* то же + -o — отсубстантивный адекативный суффикс с семантикой обладания, т. о. *miji-kudiro* 'бобровый', букв. 'бобровый + бобровый', т. е. 'имеющий бобра'):¹ *Bursin bakatirlän mijik u d i r o šubäez viläm. «šubäezja šetto!» šusa Šolta-bakatir šuräs-vilti kot-kitiš mijik u d i r o šubäez jualoz. gurtli-bidä pīrasa, kolikiz (ᵛ: kōlikiz. — В. К.) «øvøl-a» — šuoz — «ta gurtin kinlän-kä mijik u d i r o subäez? asleštīm gurtam vunätkäm-no sotäk ummä ug uški»* (Munkácsi 1887 : 62, 65) 'Бурсин-богатырь имел, оказывается, бобровую шубу. «По его шубе отыщу (его)!» — говоря (так), Селта-богатырь по дороге всюду расспрашивал (букв. спросит) про бобровую шубу. Заходя в каждую деревню, ночуя (в ней): «Нет ли, — спросит, — в этой деревне у кого-либо бобровой шубы? Свою-то я дома позабыл, а без нее не могу заснуть». Это слово, вероятно, уже в то время не употреблялось активно; не случайно сам исследователь признается, что истинное значение *kudir*- для него темно, а Николай Иванов, проводник, информант и консультант Б. Мункачи во время его поездки в 1885 г. по удмуртским землям, сообщает лишь, что это какой-то дорогой мех (Munkácsi 1887 : 66).

¹ Образование сложных слов сочинительного типа путем соединения корней со сходным или тождественным значением весьма характерно для удмуртского языка, ср.: *нымы-кибы* 'насекомое' (< *нымы* 'мошка' + *кибы* 'букашка'), *žecbur* 'здравствуй' (*žec* 'хороший, добрый' + *bur* 'то же (устар.)'), *ю-нянь* 'хлеб (в зерне), жито' (*ю* 'хлеб (в зерне)' + *нянь* 'хлеб') и т. д.

Далее рассматриваемое слово в составе композиты попало в словарь удмуртского языка Б. Мункачи дважды: 1) *kudiro: miĵi-kudiro šuba* (?) 'hódprémes (suba) | mit biber gebrämter (pelz)' (Munkácsi 1896 : 212); 2) *miĵi-kudiro (šuba)* 'hódprémes (suba) | mit biber gebrämt (pelz)' (Munkácsi 1896 : 711) ('отороченная бобром шуба'). Почти одновременно с Б. Мункачи и, по всей вероятности, вполне независимо от него — в 80-е годы XIX в. — Вл. Ислентьев дает его в своем рукописном словаре с иным значением: *кудыри* 'околышь шапки' (Ислентьев ВРС 51). Из словаря Б. Мункачи слово перешло и в современные словари удмуртского языка: *кудыр* диал. 'бобр, бобровый' (УРС 225); *кудыр* 1. 'hód'; *кудыро шуба* 'hódprémbunda; 2. *vidra*' (Kozmács 2002 : 215); *кудыр* 'бобр' (УКШГК 193).

Ю. Вихманн возводит искомое слово (*kudj̄r-*) к болгарскому источнику, ср. чув. *хондор*, *х̄нд̄ѣр* 'бобр', *хундур* 'бобровый мех' и др. | тат. *kondoz* 'бобр, выдра', кирг., тур., чаг. *kunduz* 'бобр', тел., алт., шор., койб. и др. *kumduz* 'бобр' и т. д. (Wichmann 1903 : 77); ср. также: чув. *х̄нт̄яр* 'бобер; тесьма; оторочка; вообще обивка по краям верхнего платья' | тур., кирг., чаг. *кундуз* 'бобер (тур.); выдра (кирг.)', тат. *кондыз*, башк. *кондоз* 'бобр' (Федотов 1996 : 329). В свете чувашского материала совмещение в удм. *kudj̄r* ~ *кудыри* двух значений — 'бобр, бобровый мех' и 'околыш, оторочка' — вполне объяснимо.

Курьезы в связи с этим словом заключаются в следующем.

С одной стороны, отдельные современные исследования, посвященные болгарским заимствованиям в удмуртском языке, удм. *kudj̄r(-)* 'бобр' интерпретируют как *кудыри* 'кудрявый', которое вместе с несуществующей в словарях коми языка параллелью *кудыри* (повсеместно *кудри(-)* 'кудри, завивка' (КРС 1961 : 330; ССКЗД 177; РКС 1966 : 235; КРС 2000 : 313; РКС 2003 : 379) < рус.²) возводится к чувашскому этимону *хонтыр* 'кудрявый', не зафиксированному даже самым солидным «Чувашско-русским словарем» (Москва 1982); причем подобный вымысел приписывается финскому ученому Ю. Вихманну («Булгаризмы из работы Ю. Вихманна») и венгерским лингвистам К. Редей и А. Рона-Ташу (Тараканов 1980 : 130; 1982 : 30, 37). К этому следует добавить, что и в самом удмуртском языке весьма сомнительно существование словоформы *кудыри* 'кудрявый', по крайней мере ряд удмуртских словарей XVIII—XXI вв. ее не фиксирует, хотя и содержит иные формы русского заимствования с тем же или близким значением, например: *кудрà* 'кудрявый' (Кротовъ 1785 : 97); глаз. *kud'ra* 'Locke, Haarlocke' (< russ. *кудря* id.) (WW 128); *кудыра* сев. 'кудрявый, кудри' (Борисов 1932 : 22, 147); *бабля, кудыра* 'кудри', *кудыра, баблес, бутырка* 'кудрявый', *кудыра, бабылес, бабля* 'курчавый' (УРСл. 190—191); *кудыра* сев. 'кудри; курчавый' (УРСл. 154); прил. *бабылес, кудыра* 'курчавый' (РУС 1956 : 399); *кудыра* 'кудрявый, курчавый' (УРС 225); *кудыра* 'göndör, bodros' (Kozmács 2002 : 215); *кудыра* (УКШГК 193) и др.

Однако «одиссея» удмуртского «мункачи-вихманновского» слова *kudj̄r-* ~ *kudj̄r(-)* в трудах И. В. Тараканова на этом не завершается:

² Правда, Б. Мункачи также допускает возможное возведение удм. *kudj̄r* к рус. *кудри* 'locken, haarlocken' (Munkácsi 1896 : 212), но не к мифическому чув. *хонтыр* 'кудрявый'.

искомое слово неожиданно всплывает на других страницах тех же публикаций автора среди «Булгаризмов из работ М. Р. Федотова» в своей первичной форме и истинном значении: *кудыр* 'бобр' (Тараканов 1980 : 131; 1982 : 38), чтобы под конец окончательно уйти со сцены — в составленном им «генеральном» словаре тюркских заимствований удмуртского языка это в семантическом отношении искусственно расщепленное слово ни в значении 'бобр', ни с семантикой 'кудрявый' не числится. По крайней мере, на той странице издания, где слово *кудыр(-)* должно было бы располагаться в порядке алфавита, оно отсутствует (Тараканов 1993 : 86), равно как и в некоторых ранних его работах, связанных с болгарской тематикой (Тараканов 1981; 1982а).

С другой стороны, в школьной хрестоматии по удмуртскому фольклору сочетание *miji-kudiro* (*šuba-*) в народно-этимологическом плане преобразовано в *мый³ ку ду ро (шуба)* '(шуба) с оторочкой из бобрового меха', тем самым слово *кудыро* 'бобровый' интерпретируется как *ку ду ро* 'с оторочкой из меха, имеющий оторочку из меха':

<i>Бурсин бакатырлэн</i>	<i>Гуртлы быдэ пыраса,</i>
<i>М ы й к у д у р о шубаез вылэм.</i>	<i>Калыкез: «Өвёл-а, — шуоз,</i>
<i>«Шубаезъя шедьто!» шуса,</i>	<i>— Та гуртын кинлэн ке</i>
<i>Сьёлта бакатыр</i>	<i>М ы й к у д у р о шубаез?</i>
<i>Сюрес вылтй котькытысь</i>	<i>Аслэсьтым гуртам вунэткем но</i>
<i>М ы й к у д у р о шубаез юалоз.</i>	<i>Сотэк умме уг уськы».</i>

(Ингур 48—49).

Примечательно то, что составитель хрестоматии Т. Г. Владыкина заимствовала это эпическое произведение скорее не из первоисточника, т. е. непосредственно из сборника Б. Мункачи (Munkácsi 1887 : 61—63), а скорее из вторых рук — переиздания в книге А. Н. Уварова «Мункачилэн кузьымез / Munkácsi ajándéka / Подарок Мункачи» (Подарок Мункачи : 154—160). Об этом дают понять, с одной стороны, указание не только на сборник Б. Мункачи 1887 г., но и на упомянутый труд А. Н. Уварова в качестве источника сказания (Ингур 50); с другой стороны, наличие знака [•], поставленного перед заголовком данного произведения в книге, который означает: «Кöнязэ ке текстъёсты, удмурт вариантъёсыз өвöлысь, ачим берыктыса сётй, соослэн таçe пуссы (•) вань. Таосыз литературной кылын гожтэмын. Мугез со бордын: табере тодмо өвёл ни, кыçe вераськетэн кылйллям соосты люкасьёс, книгаосы вуэмын веран-мадёнъёслэн пуштроссы гинэ» (Ингур 6) 'Несколько текстов из-за отсутствия вариантов на удмуртском языке даны в моем собственном (Т. Г. Владыкиной. — В. К.) переводе, при них имеется знак (•). Эти (тексты) представлены на

³ Даже в этом случае было бы лучше использовать совпадающий с оригиналом у Б. Мункачи и в транслитерационной передаче А. Н. Уваровым вариант *мыйы*, поскольку в различных удмуртских диалектах или даже в пределах одного говора это слово употребительно в двух формах — с конечным гласным *i* и/или без него, ср. *мый* 'бобръ звъръ' (Кротовъ 1785 : 140); *мый* 'бобръ' (Могилинъ 1786 : 35); глаз. *мыи* 'боберь' (Ислентьевъ ВРС 20, 71); елаб., глаз. *mij*, сар. *miji* 'hód | biber' (Munkácsi 1896 : 711); глаз. *mijjî, mîj* 'Biber' (WW 159); южн. *мый*, сред. *мыйы* 'бобр' (Борисов 1932 : 190). Что касается современного литературного языка, то нормативные словари последних десятилетий рекомендуют употреблять это слово в варианте *мый* (УРС 290; УОС 205; Kozmács 2002 : 289; УКШГК 240).

литературном языке. Причина заключается в следующем: теперь уже не узнать, на каком говоре они были услышаны собирателями, в сборниках дошло (до нас) лишь содержание этих произведений¹. Этот комментарий в отношении сказания «Калмез бакатырьёс» не совсем корректен: данный фольклорный текст записан Б. Мункачи и Н. Ивановым на удмуртском языке в д. Шактапи Малмыжского уезда Вятской губернии, т. е. на территории распространения современных прикильмезских говоров, и издан венгерским ученым с сохранением диалектных особенностей в той мере, насколько это было под силу 25-летнему венгерскому лингвисту, не вполне владевшему удмуртским языком.

При этом современная исследовательница удмуртского фольклора трансформировала не только рассматриваемую конструкцию *мыйы-кудыро* → *мый ку ду ро*, но и поэтическую строфику, предложенную литературоведом А. Н. Уваровым в соответствии с гипотезой венгерского поэта Г. Кепеша (Képes 1971 : 95—96) о весьма древнем характере ритмики и строфики этого удмуртского эпического произведения, которые были заметны даже в прозаической записи его Б. Мункачи:⁴

Бурсин бакатырлэн
М ы й ы - к у д ы р о шубаез
Вылэм.
«Шубаезъя шедьто!»
Шуса,
Сьёлта бакатыр
Сюрес вылтй котькытысь
М ы й ы - к у д ы р о шубаез
Юалоз.

Гуртлы быдэ пыраса,
Калькез
«— Öвёл-а,
— Шуоз,
— Та гуртын кинлэн ке
М ы й ы - к у д ы р о шубаез?
Аслэсьтым
Гуртам вунэткем но
Сотэк умме уг уськы»
 (Подарок Мункачи 158—159).

Сокращения

алт. — алтайский язык; **башк.** — башкирский язык; **бес.** — бесермянский диалект удмуртского языка; **вс.** — верхнесольский диалект коми языка; **глаз.** — глазовский диалект удмуртского языка (по Вл. Ислентьеву, Б. Мункачи, Ю. Вихманну); **елаб.** — елабужский диалект удмуртского языка (по Б. Мункачи, Ю. Вихманну); **зд.** — зюздинский диалект (переходный от коми-зырянского к коми-пермяцкому); **кирг.** — киргизский язык; **койб.** — койбальский диалект хакасского языка; **кп.** — коми-пермяцкий литературный язык; **кя.** — коми-язьвинский диалект; **л.** — лузский диалект коми языка; **ливвик.** — ливвиковский диалект карельского языка; **малм.** — малмыжский диалект удмуртского языка (по Ю. Вихманну); **м.-урж.** — малмыжско-уржумский диалект удмуртского языка (по Ю. Вихманну); **норв.-саам.** — норвежско-саамский язык; **сар.** — сарапульский диалект удмуртского языка (по Б. Мункачи); **сев.** — северный диалект удмуртского языка (в УРС 1948); **скр.** — присыктывкарский диалект коми языка; **сред.** — срединные говоры удмуртского языка; **тел.** — телеутский диалект алтайского языка; **тур.** — турецкий язык; **урс.** — урсыгуртский диалект удмуртского языка; **уфим.** — уфимский диалект удмуртского языка (по П. Вихманну); **чаг.** — чагатайский (старо-

⁴ «Красивое сказание вводит читателя в мир богатырского эпоса, широких изменений, вся структура, тональность, отрывчатое драматическое исполнение, сильная ритмика, предполагающая песенную мелодику, вдохновили венгерского поэта и ученого Гезу Кепеша опубликовать его в поэтическом переводе в 1960 годы шесть раз» (Подарок Мункачи 17).

узбекский) язык; **шор.** — шорский язык; **шошм.** — шошминский диалект удмуртского языка; **южн.** — южный диалект удмуртского языка.

Ингур — Ингур. Удмурт фольклорья лыдзет. Шор ёзо школаослы. Люказ, радъяз но валэктонъхёссэ гожтйз Т. Г. Владыкина, Ижевск 2004; **Ислентьев ВРС** — Вотско-русский Словарь. Переводъ и объяснение 5000 вотскихъ словъ. Составилъ при помощи учителей-вотяковъ, Инспекторъ народныхъ училищъ Елабужскаго уѣзда Владиславъ Ислентьевъ (Рукопись); **Кротовъ 1785** — Краткой Вотской словаръ съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захаріею Кротовымъ, 1785 г. = З. К р о т о в, Удмуртско-русский словарь, Ижевск 1985; **КРС 1961** — Коми-русский словарь, Москва 1961; **КРС 2000** — Л. М. Безносикова, Е. А. Айбабина, Р. И. Коснырева, Коми русский словарь, Сыктывкар 2000; **Могилинъ 1786** — М. М о г и л и н ъ, Краткой отяцкія Грамматики опытъ = Опыт краткой удмуртской грамматике, Ижевск 1998 (Памятники культуры. Лингвистическое наследие); **Подарок Мункачи** — Подарок Мункачи. Песни и сказания. Составитель и автор предисловия А. Н. Уваров, Ижевск 1983; **РКС 1966** — Русско-коми словарь, Сыктывкар 1966; **РКС 2003** — Л. М. Безносикова, Н. К. Забоева, Р. И. Коснырева, Русско-коми словарь, Сыктывкар 2003; **РУС 1942** — Русско-удмуртский словарь, Ижевск 1942; **РУС 1956** — Русско-удмуртский словарь, Москва 1956; **Соч. 1775** — Сочинения принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка. В Санктпетербургѣ при Императорской Академіи наукъ 1775 г. — Первая научная грамматика удмуртского языка, Ижевск 1975; **УКШГК** — Удмурт кылын шонер гожъяськонъя кыллюкам. Шонер гожъяськон но пусьёс пуктылон правилосын: 30 000 ёрос кылъёс но кыл сочетаниос, Ижевск 2002; **УОС** — Удмурт орфографической словарь, Ижевск 1984; **УРС** — Удмуртско-русский словарь, Москва 1983; **УРСл.** — Удмуртско-русский словарь. С приложением грамматического очерка удмуртского языка, Москва 1948; **WW** — Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen, Helsinki 1987 (LSFU XXI).

ЛИТЕРАТУРА

- Б о р и с о в Т. К. 1932, Удмурт кыллюкам. Удмуртско-русский толковый словарь, Ижевск.
- Б у р л а к С. А., С т а р о с т и н С. А. 2005, Сравнительно-историческое языкознание. Учебник для студентов высших учебных заведений, Москва.
- Г а в р и л о в ъ Б. 1880, Произведения народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерний, Казань.
- К е л ь м а к о в В. К. 1978, К вопросу о «двух о» в праудмуртском языке. — СФУ XIX, 20—40.
- 2004. Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка. Ч. 2, Ижевск (Удмурт вераськетъёс 7).
- Л ы т к и н В. И. 1964, Исторический вокализм пермских языков, Москва.
- Т а р а к а н о в И. В. 1980, О болгарских заимствованиях в удмуртском языке. — Проблемы исторической лексикологии чувашского языка, Чебоксары (Труды ЧувНИИ, вып. 97), 127—136.
- 1981, Иноязычная лексика в современном удмуртском языке. Учебное пособие по лексикологии удмуртского языка для студентов высших учебных заведений, Ижевск.
- 1982, Заимствованная лексика в удмуртском языке. Удмуртско-тюркские языковые контакты, Ижевск.
- 1982а, Об исторических связях удмуртов с другими народами по данным языка. — Материалы по этногенезу удмуртов. Сборник статей, Ижевск, 145—175.
- 1993, Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи (Теория и словарь), Ижевск.
- Т е п л я ш и н а Т. И. 1965, Памятники удмуртской письменности XVIII века, вып. 1, Москва.
- Ф е д о т о в М. Р. 1996, Этимологический словарь чувашского языка, т. 1—2, Чебоксары.

- K é p e s, G. 1971, Először magyarul. Hat évezredek költészetéből, Budapest.
K o z m á c s i, I. 2002, Udmurt-magyar szótár, Szombathely.
M u n k á c s i, B. 1887, Votják népköltészeti hagyományok, Budapest.
— 1896, A votják nyelv szótára, Budapest.
W i c h m a n n, Y. 1903, Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen, Helsingfors (MSFOu XXI).

V. K. KELMAKOV (Iževsk)

LINGUISTISCHE KURIOSITÄTEN IN DER PERMISTIK (I.)

In den permischen Sprachen, so wie in jeder anderen Sprache, gibt es eine gewisse Anzahl von Wörtern, deren Herkunft, Form oder Bedeutung in einer gewissen Art und Weise zu Forschungskuriositäten geworden sind. Indem sie zu einer durch einen Fehler und/oder unterschiedliche Gründe entstandenen nichtursprünglichen phonetischen Form kamen, begannen sie ein eigenständiges Leben zu leben und führten so die Forscher zu falschen Schlussfolgerungen.

1. Udm. *содзямь* 'eine Handvoll gekämmtes Flachs' kam infolge einer Fehlinterpretation einer aus dem 18. Jahrhundert stammenden Handschrift zu dieser phonetischen Form und davon ausgehend begann man in dieser einen etymologischen Zusammenhang mit komi *содз* 'Handvoll' zu sehen.

2. Die Ursachen für die Odyssee von udm. *-kudir-* 'Biber, biberisch' (B. Munkácsi) > (a) *кудыри* 'lockig' (~ komi **кудыри*) oder (b) *ку дур* 'mit Pelz benähter Mantel-saum' liegen ebenfalls in Ungenauigkeiten der Forschungspraxis udmurtischer Philologen.